

АНИМА

Запертые комнаты

— ЛИСАВЕТА ЧЕЛИЩЕВА —

18+

Лисавета Челищева

АНИМА. Запертые комнаты

«Автор»

2026

Челищева Л.

АНИМА. Запертые комнаты / Л. Челищева — «Автор», 2026

Карина — художница, которая грезит о признании. Демир Османоглу — коллекционер, чьи картины продаются за миллионы, а имя окутано слухами. Когда он предлагает ей контракт — тридцать три дня в его резиденции, полная свобода творчества и место в его галерее, — она соглашается, не раздумывая. Условия просты: он может рисовать её в любое время дня и ночи. Она получает славу. Всё честно. Но в его доме слишком много запретных дверей. Слишком много вопросов, на которые он не отвечает. А по ночам Карине снятся сны, в которых она умирает от рук мужчины с чёрными глазами. И этот мужчина слишком похож на Демира.

© Челищева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Тридцать третья ночь	5
Глава 2: Мёд и красная нить	9
Глава 3: Условие на ладони	13
Глава 4: Тёмная вода	19
Глава 5: Металл и кожа	22
Глава 6: Полёт над шипами	26
Глава 7: Слово, которое убивает	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лисавета Челищева

АНИМА. Запертые комнаты

Глава 1: Тридцать третья ночь

ДЕМИР

— Войди, — выдохнула она и свела брови. Ингрид приподнялась на локтях, обхватила мою шею руками и сразу вжалась губами в мой рот. Почти сразу отстранилась, заглянула в лицо, ожидая чего-то, потом опустила ладонь вниз, обхватила пальцами мою плоть и без промедления приставила кончик к мокрой ложбинке между ног.

— Демир, давай, я хочу тебя ощутить, — сказала она, почти не разжимая губ.

Я навалился всем весом, сжал ее бедра, вминая ее тельце в матрас, и вошел одним сильным рывком до предела. Она сразу издала протяжный горловой звук. Я смотрел в ее лицо, просто смотрел, не испытывая ничего. Рот девушки раскрылся, губы натянулись, показав ровный ряд зубов, она замерла в беззвучном крике.

Я начал двигаться. Толкался тазом грубо, с тяжелыми шлепками, вгоняя плоть снова и снова. Она не успевала за моим ритмом, только хлопала глазами: то зажималась, то широко распахивала их, и на дне зрачков плескалась беспомощность и голод.

Я взял ее за волосы на затылке и намотал светлые пряди на кулак, чтобы зафиксировать голову. Затем вышел, перевернул ее на живот, задрал бедра вверх и шлепнул ладонью по ягодице — сильно, с оттяжкой, оставив красный след.

Не та. Не моя женщина. Настоящая муза не стонет в этой тональности, не выгибает спину этим заученным движением.

Я дернул ее бедра на себя, развел ноги коленом и снова толкнулся внутрь. Ингрид заскулила и подалась назад, навстречу. Она заплакала, вжимаясь лицом в скомканные простыни, но продолжала двигаться задом.

Почему я это понимаю только к концу каждого контракта? Муза — не та.

Девушка вдруг уперлась ладонью мне в грудь — так, что на секунду показалось, будто она решила остановиться. Но нет, она просто искала опору и продолжала двигаться мне навстречу, цепляясь ногтями за плечи.

Мышцы ее живота напряглись, она была уже на грани. Я накрыл ее рот ладонью, заглушая стоны, и резко перевернул ее на живот. Свободной рукой вжал голову в подушку. Сам встал на колени позади. Взял плоть у основания, раздвинул ее пальцами и толкнулся резко, до предела. Ингрид закричала что-то сквозь слезы, звуки утонули в подушке, и ее тело забилося в оргазме. Я крепко держал ее за волосы, заставляя стоять на коленях ровно.

Это была последняя ночь по контракту. Тридцать три дня истекали. Моя муза по вызову почти закончила свою задачу.

Ее пальцы безвольно расползлись по простыне. Мне было плевать, что она выдохлась. Я вышел из нее и сразу, без подготовки, толкнулся в нее сзади. Она сдавленно взвыла, все тело напряглось, сжалось вокруг меня. Я двигался грубо, с каждым толчком все сильнее ощущая отвращение к ее коже, запаху, влажным звукам. Как хорошо, что больше я ее не увижу.

Ингрид издала долгий хрип, похожий на сдавленный зевок. Я вышел, хлопнул ее со всей дури ладонью по ягодице, отчего она вскрикнула и завалилась на бок. Сам пошел в ванную.

Вернулся с полотенцем на бедрах, посмотрел на тяжело дышащую девушку на краю кровати. Обычная женщина. Лицо мокрое, волосы спутаны. Искра погасла. Все.

Я прошел к кофе-машине.

— Кофе? Ты серьезно? — Ингрид устало усмехнулась, не поднимая головы.

Я поставил чашку на блюдце.

— Что-то не так?

— Ты же потом не уснешь.

— Это лучший турецкий кофе, не то пойло из супермаркетов.

— И в чем разница? Любой кофе бодрит.

— Настоящий кофе не бодрит, а прочищает мозги, — я обернулся к ней с чашкой. — Хочешь?

Она мотнула головой. Я подошел к панорамному окну. Снаружи темнела вода, у причала горел одинокий фонарь. За моей спиной звякнула зажигалка.

Я обернулся. Ингрид уже сидела на кровати, закутанная в простыню, курила и стряхивала пепел прямо на дубовый пол.

Меня передернуло. Я подошел к ней, выхватил сигарету, затушил о деревянную спинку кровати и выбросил окурок в сторону.

— Ты знаешь, что я это ненавижу, — я схватил ее за лицо, сжал щеки пальцами. Пухлые губы сжались. Она выглядела как щекастая рыба. Смешно.

— Извини...

— Дома будешь себя травить.

Я разжал пальцы и отступил. Потом достал из портфеля лист гербовой бумаги с черным тиснением «ЗЗ» в углу и протянул ей. Она взяла контракт, еще не понимая, ее взгляд плавал в остатках удовольствия.

— Контракт аннулирован. Эта ночь была последней. Ты свободна.

Смысл доходил до нее медленно. Углы рта поползли вниз.

— Как? Это шутка, Демир? — она нервно усмехнулась. — Ты же не серьезно?

— Серьезно.

— Но нам же так хорошо вместе!

— Все хорошее заканчивается.

— Нет, ты шутишь, да?

Я покачал головой и начал собирать: запонки, часы, бумажник в дорожную сумку.

— Демир! — голос взвился. Она схватила контракт и кинулась ко мне. — Продли его! Хотя бы на неделю! У меня не готова серия с маяком, ты сам сказал, что она отличная.

— Серия отличная, — я застегивал манжеты рубашки. — Но время вышло.

— Нет!

— Ты получила славу, связи, признание — все по договору. Теперь твори где и с кем хочешь. Я тебе больше не нужен.

Ингрид швырнула бумагу на кровать. Простыня упала к ее ногам. Она стояла голая, с горящими глазами, разъяренная. На секунду она мне даже снова понравилась. Такая. Дикая. Естественная.

— Зачем тебе все это?! Зачем ты собираешь девушек, спишь с ними, смотришь, как они рисуют, а потом выкидываешь? Чего тебе не хватает?? Что... Что во мне не так?

Я усмехнулся, поправляя воротник пальто. Не люблю верхнюю одежду. Но в Норвегии сейчас жуткие ветра.

— В тебе все есть. Но это все... Не мое.

— Не твое? Тогда зачем ты меня брал целый месяц?

Я сжал губы.

— Успокойся. Был контракт на творчество. Никто не тащил тебя в мою постель. Ты сама залезла. Или забыла, как пришла ко мне в номер голая?

Она села на кровать, зло сверкая глазами.

— А-а, я поняла. Поняла. Ты наслаждаешься этим. Да? Поднимаешь свою самооценку. Влюбляешься в себя, а потом швыряешь. А я очередная дура. Влюбилась.

— Сожалею. Но удовольствия от этого ноль. Я не наслаждаюсь твоей болью. От того, что я опять ошибся, мне паршивее, чем тебе.

— Какая тебе боль? Ты пользовался мной! Не я тобой.

— Объяснять моих мотивов не стану. Сочтешь меня психом. Давай расстанемся нормально. Ты была отличной музой. Не порти впечатление этой истерикой. Спасибо за творчество.

Она швырнула в меня подушкой, я поймал ее и положил на комод.

— Псих? Нет, Демир, ты эмоциональный упырь! Ходячий упырь, который питается чужим талантом!

Я не обернулся. Спустился по лестнице, взял ключи от машины, вышел на воздух. Дышать здесь было легче. Темный «Бентли» стоял на гравийной дорожке.

Я сел за руль и вырулил на пустое шоссе. В салоне было тихо, а в голове до сих пор стоял ее визгливый голос.

Нажав кнопку на руле, я набрал Луку. Гудки шли долго. Ассистент явно спал, хотя обязан был оставаться на связи круглые сутки.

— Да, господин Османоглу, — голос явно сонный. Я решил не отчитывать. Секс оставил хорошее послевкусие.

— Лука, эта художница не подошла. Очередная пустышка.

Он вздохнул, я услышал скрип кровати и щелчок светильника.

— Понял, эфенди. Куда бы Вы хотели отправиться теперь? Мы объездили почти всю Европу и Азию. Турция, Италия, Китай, Франция... Скандинавию Вы, очевидно, тоже закрыли.

Я молчал, глядя, как белая разметка улетает под капот. Тишина затянулась. Лука рискнул:

— Эфенди, может, Исландия? Или Швеция?

Я поморщился. От скандинавов меня уже тошнило: их дизайнерский минимализм, их сдержанная депрессия, вечные разговоры об экологии и гендерном равенстве. Ингрид была квинтэссенцией всего этого, и я пресытился ее культурой до краев.

— Подожди, — перебил я. — А Россия? У нас же там открывается новая галерея?

В трубке повисла пауза. Я представил, как мой ассистент судорожно перебирает в памяти все предстоящие события.

— Вы правы, — ответил он наконец. — В Петербурге. Галерея современного эротического искусства. Выкупили три года назад после того скандала с видео-артом. Лично Вы там ни разу не были, эфенди.

— Тогда какого черта ты сразу не предложил поехать туда?

— Извините. Я полагал, что после... инцидента с эстонской художницей Вы избегаете постсоветского пространства.

— Эстонка была клинической истеричкой, Лука. При чем тут география?

Я чуть прибавил скорость. Идея начинала мне нравиться. Искусство, замешанное на русской тоске, морозе и великой литературе. Я никогда не работал с таким материалом. И он казался мне запредельно сладким.

— Лука, какой темперамент у русских девушек? Норвежские — холодные снаружи, внутри сжатая пружина. Агрессивные, но предсказуемые. Датские — мягкие, но слишком быстро привязываются и начинают мнить себя хозяйками. А вот русские? Какие они? — я сделал паузу, ухмыляясь. — Загадка. Все о них говорят, но никто толком не знает.

Лука помедлил.

— Я думаю, это гремучая смесь, Демир-бей. Могут быть нежными и покорными, а через секунду разбить о вашу голову бутылку. Читали Достоевского? Это как раз про них. Широта души и постоянные крайности.

Я хмыкнул.

— Русское искусство вообще удивительно, — я говорил больше для себя, чем для Луки. — Оно пропитано страданием, но при этом невероятно телесное. У них иконы и авангард парадоксальным образом связаны. Какая интересная история будет...

— Эфенди, всегда хотел спросить. А как Вы узнаете свою очередную музу? — осторожно спросил Лука.

Я прикрыл глаза, воображая будущую встречу.

— Сначала по походке. Женщина, в которой горит искра, никогда не идет прямо. Она движется так, будто плавно обходит невидимые препятствия. Затем по манере говорить. Иногда она вообще молчит, но ты чувствуешь — это молчание громче слов. Понимаешь, что у нее загадка внутри. Потом по запаху. Не духи. Уникальный собственный шлейф. Ты понимаешь, что это — твое. А потом по глазам. По глазам сразу всё видно. В них стоит голод, который нельзя утолить ни деньгами, ни славой, ни сексом. Жажда оставить свой след в искусстве. Когда я вижу такой взгляд, я уже не могу отступить.

Я встряхнул головой. Ингрид осталась там, в деревянном коттедже у холодного моря. Архив пополнился. Муза не та. Дело закрыто.

— Готовь самолет, Лука. Завтра мы летим в Петербург. Посмотрим на русскую душу вблизи.

Глава 2: Мёд и красная нить

КАРИНА

Билет на вечернее открытие я сжимала в руке очень бережно. Пять тысяч — почти недельный бюджет на краски и холсты, но я решила, что оно того стоит. Галерея Демира Османоглу открывалась в Петербурге, в старом особняке на Литейном, и мне просто повезло попасть в число тех, кто успел купить билет до того, как их раскупили.

Из дома я выходила с ощущением, что иду на что-то по-настоящему важное. Будто на выпускной или день рождения. Собрала волосы в красивый пучок, подвела глаза, накрасила губы блеском, надела чёрное платье из шелка, которое доставала только по особым случаям. Такси уже ждало у подъезда, белая машина подкатила минута в минуту.

— Куда? — устало спросил водитель.

— Новая галерея на Литейном.

Он глянул в зеркало и одобрительно хмыкнул. Я невольно улыбнулась.

Город будто ждал этого вечера. Все, кто хоть немного интересовался искусством, знали: открытие галереи Османоглу — большое событие.

Доехали за двадцать минут без пробок. У особняка я на секунду замешкалась. Старое здание с пилястрами и массивными дверями. В основной корпус была встроена стеклянная пристройка с подсветкой. Современно и красиво.

Мокрый после дождя асфальт отражал желтые огни пристройки. Мне тут же захотелось это зарисовать. Я расплатилась с водителем, поправила выбившуюся прядь и вошла.

Внутри самой галереи всё было выстроено просто и дорого: белые стены, высокие потолки, свет направлен так, что каждая картина выделялась. Я сразу заметила несколько полотен из серии «Плоть и дух» — те самые, о которых до хрипоты спорили в арт-тусовке в прошлом сезоне. Пейзажей здесь не было, только люди — обнажённые, переплетённые, пойманные в моменты, которые обычно прячут за закрытыми дверями.

Я медленно переходила от одной работы к другой, стараясь не выглядеть жадной до впечатлений, хотя внутри всё трепетало и смущалось от такого откровенного искусства.

Вокруг стояли люди с бокалами, в дорогих костюмах, смеялись светским смехом, вели приглушённые беседы. Я чувствовала себя здесь немного чужой, но оторваться от холстов не могла — в них было что-то настоящее. Страсть. Или любовь. Порой... желание.

В центре зала висела огромная картина — «Предел доверия». Я знала её по репродукциям, но живую она поражала ещё больше.

На полотне мужчина сидел, широко расставив ноги, и держал женщину за шею. Она сидела у него на коленях, спиной к его груди, ноги в чулках разведены, на шее ошейник. Он проводил языком по её щеке, а второй рукой — у её бёдер. Лицо женщины выражало боль и наслаждение сразу. Вокруг валялись цепи, плётка, на заднем плане стояла металлическая кровать. Я подошла ближе и всмотрелась в её черты.

У меня перехватило дыхание: тёмные волосы, светлые глаза, губы — женщина на картине была на удивление похожа на меня. Я даже отступила на полшага назад и снова взгляделась.

Сходство действительно бросалось в глаза.

От картины невозможно было оторваться. От нее веяло откровенностью. Мне даже показалось, что я чувствую жар, исходящий от нее.

Я стояла и понимала, что не могу отвести взгляд. Мало того — я представила себя на месте этой женщины. Не просто представила, а захотела оказаться там, с тем мужчиной. Внизу живота заворочалось горячее, тёмное желание, и я сжала бёдра, надеясь, что никто не заметит моего состояния.

— «Предел доверия», — раздался за спиной низкий мужской голос.

Я вздрогнула, будто меня коснулись, и обернулась.

Он стоял в трёх шагах. Высокий, выше меня на голову даже с учётом моих каблучков. Чёрные густые волосы небрежно зачёсаны назад, тёмные глаза смотрели прямо на меня. Смуглая кожа, полные губы. От него пахло терпко и пряно, древесными нотами — Dior Sauvage, я узнала.

— Простите?

— Картина, — незнакомец кивнул на полотно. — Вы смотрели так, будто хотели войти в неё.

У меня загорелись щёки. Неужели мои эмоции так легко считать?

Я прижала пальцы к шее, пытаюсь справиться с неловкостью.

— Я просто... — запнулась, — просто эта девушка на картине...

— Похожа на вас, — закончил он.

— Вы тоже заметили?

— Это трудно не заметить. Сходство сильное. Наверное, художник так увидел женскую красоту. Вы подходите под его видение.

Он шагнул ближе. Я инстинктивно качнулась назад и упёрлась спиной в стену. Но незнакомец больше не вторгся в моё пространство — просто встал рядом, разглядывая холст вблизи.

— Вы художница? — спросил он, не поворачивая головы.

— Да.

— Это видно.

— По чему?

— По тому, как вы смотрите. Не как покупатель. Не как любитель. Как человек, который сам хочет создавать такое. Я прав?

Я кивнула. Он оказался прав, и ещё он был до невозможности хорош собой — словно актёр из восточного сериала, где любовь всегда ранит. В его лице всё было правильное, но в глазах пряталась какая-то тёмная история. Но это нисколько не портило его, наоборот — тянуло разглядывать.

— Вы тоже художник?

— Да.

— Я так и подумала. У вас взгляд коллекционера.

— Коллекционера? — он повернулся ко мне, и я встретила с его прямым взглядом. — Почему вы так решили?

— Потому что вы не просто смотрите. Вы оцениваете. Отбираете. Я права?

Он коротко кивнул и усмехнулся. От этого простого движения у меня по спине побежали мурашки. Что-то в его усмешке было будоражащим.

— Можно узнать ваше имя? — спросила я, сама удивляясь своей смелости. Обычно с мужчинами знакомиться мне было сложно. Если только они сами не проявляли активную инициативу.

— Демир. Демир Османоглу.

Мои ноги стали ватными. Я оперлась о стену плечом, надеясь, что он не заметит моего потрясения.

Османоглу — тот самый?... Владелец галерей, богатейший коллекционер из Турции, художник, чьи работы продают за миллионы. Человек, который создал «Предел доверия». Человек, который сейчас стоит рядом со мной и смотрит на свою же картину. Я сплю?

— Это ваша работа, — сказала я тихо. Он не ответил, наверное, посчитал вопрос слишком очевидным.

— Вы местная? — спросил он, скользнув по мне взглядом с лёгкой насмешкой.

— Да. Родилась и выросла в Петербурге.

— А по национальности вы кто?

— Это важно?

— Мне стало любопытно. У вас необычная внешность. Я бы сказал... Экзотичная. Волосы тёмные, глаза светлые.

— Мама говорит, у меня есть нерусские корни по далекой папиной линии, но, честно говоря, я не знаю, — я улыбнулась. — Настолько глубоко я не знаю своих предков.

Мужчина сдержанно улыбнулся и поправил ворот рубашки.

— А вы? — спросила я. — Говорите по-русски без акцента, но...

— Но?

— Выглядите так, будто вам больше подошёл бы Стамбул, а не Петербург.

— Вы правы. Я из Турции, из Стамбула. Русский выучил в детстве, отец часто ездил сюда по делам и брал меня с собой. Поэтому акцента нет. Я давно знаю язык.

— Поэтому открыли галерею здесь?

— Поэтому. И ещё здесь особая атмосфера — загадочная, древняя. Но Стамбул вам тоже стоит увидеть, если любите искусство.

Мы помолчали. Картина перед нами вдруг стала не так важна.

— А как вас зовут? — спросил он, скользя по моим плечам изучающим взглядом.

— Карина.

— ...Карина. Скажите мне, — его голос стал ниже, мягче, — что для вас такое «предел доверия»? Не на этом холсте. Вообще.

Я замаялась. Обычно я не рассуждаю о таком с незнакомцами. Но рядом с ним молчать не получалось — хотелось говорить, слышать его голос, ловить каждое движение.

— Предел доверия — это когда когда у тебя внутри срабатывает счетчик «всё, с меня хватит», — начала я, подбирая слова. — Это твоя личная красная черта. Ты можешь долго закрывать глаза на косяки, давать вторые шансы. Но в какой-то момент человек делает еще одну глупость, и ты понимаешь, что обратного пути нет. Кредит доверия исчерпан.

— Интересно, что вы стали говорить про отношения.

— Мне показалось мы говорим о теме, тесно связанной с искусством. Отношения между людьми — одна из главных его основ, почему мы хотим творить прекрасные вещи.

Я замолчала, чувствуя, как горят щёки от откровенного разговора. Демир смотрел на меня с лёгкой улыбкой.

— Почему вы так смотрите? Я сказала что-то не то?

— Мёд, — произнёс он тихо. — Ваши слова — чистый мёд для моих ушей.

Я нервно засмеялась. Что это значило? Ему правда понравилось? Или он так подшучивает? Мне, конечно, хотелось произвести впечатление на такого влиятельного человека.

— Но вас не смущает ирония? — он кивнул на картину. — То, что вы описываете, не имеет ничего общего с тем, что изображено здесь.

Я снова посмотрела на холст, на женщину с моим лицом.

— А что для вас «предел доверия», господин Османоглу? — задала я вопрос, сама не веря в свою дерзость.

Демир приблизился. Теперь он стоял ко мне всем корпусом, но смотрел на картину.

— Предел доверия в моем понимании — это абсолютная уязвимость и сознательная капитуляция. Это способность женщины полностью отпустить контроль и передать его мужчине. Даже когда ей становится по-настоящему страшно или больно, она не закрывается, потому что её вера в него сильнее инстинктов самосохранения. Она знает, что находится в полной безопасности. Это доверие, доведенное до своего абсолютного пика.

— ...Ясно, — выдохнула я. — Красиво сказано.

— Скажите, вы когда-нибудь пробовали такое? — он показал на картину. — Эротическое искусство?

— Нет.

— А хотели бы стать натурщицей?

Я мотнула головой.

— Мм... — он тихо промычал, и от этого звука по моему телу прошла горячая волна. — Тогда вы не знаете, что такое настоящий предел доверия.

Я прикусила губу. Если бы он только знал, как часто по ночам я фантазировала о вещах, которые не решалась позволить себе днём. Именно эти фантазии и были моим вдохновением. Через них я нашла свою музу. Но выпускать её в свет никогда не решалась. Все мои рисунки и наброски шли в стол.

— Но разве доверие обязательно должно быть связано с болью и страхом? — вдруг возразила я. — Разве нельзя доверять без всего этого?

Демир повернулся ко мне, теперь его взгляд был направлен прямо на меня. И взгляд этот был колючим.

— Можно. Но это другое доверие. Обычное. А я говорю о том пределе, где ты перестаёшь контролировать ситуацию. Где от тебя уже ничего не зависит. Только тогда ты по-настоящему открываешься другому.

— Но это же пугает.

— Именно. И если женщина в этот момент не убегает, а остаётся и позволяет довести себя до самой грани, зная, что ей не причинят непоправимого вреда, — вот это и есть доверие. То, что я изобразил здесь.

Я замолчала, переваривая его ответ. Он говорил убедительно. В его логике было что-то дикое, но крыть такое мне было нечем.

— Но у вас интересный ход мыслей, Карина. Вы умеете красиво рассуждать, — добавил он неожиданно мягко. — Мне это нравится.

Мои мысли тем временем становились всё откровеннее при каждом его взгляде, и внизу живота становилось уж слишком горячо для такого места. Демир словно раздевал меня взглядом, не прикасаясь.

— Карина, я хочу, чтобы вы нарисовали мне свой «предел доверия», — неожиданно сказал он и отступил на шаг. Я наконец выдохнула — с облегчением и лёгким сожалением. — Не то, что вы описали словами. А то, о чём вы думаете сейчас, глядя на эту картину. И на меня.

— Но... — я хотела возразить, но он перебил.

— Пожалуйста, не отказывайтесь. Я вижу, как вы смотрите. Такое дорогого стоит, и я готов заплатить. Куплю вашу работу. Назовите любую цену после того, как закончите.

Он протянул мне визитку — простую, белую, только имя и номер.

— До скорого свидания, я надеюсь, — попрощался он. — Не сдерживайте себя. Не пытайтесь мне угодить. Рисуйте честно. Свободно. Для себя.

Я смотрела, как он разворачивается и уходит в толпу. Широкие плечи, уверенная походка — всё в нём было элитарным, дорогим. Недостигаемым для меня.

Демир Османоглу.

Я прислонилась к стене и прошептала:

— Господи, что это было?

Внизу живота всё ещё тянуло, щёки горели. Я оглядела зал, ища его глазами, но он уже исчез. Осталась только визитка и задание, от которого у меня кружилась голова.

Рисовать? Что хочу? За любую сумму? Мечта!

Я ещё не знала, чем обернётся это предложение.

Глава 3: Условие на ладони

Я всё ещё не верила своей удаче. Демир Османоглу. Тот самый. Человек, чьё имя знает вся арт-тусовка, чьи галереи открываются в самых дорогих отелях Европы, чьи картины продают за миллионы. И он разговаривал со мной! Смотрел так, будто я не просто очередная художница, а что-то большее. Что-то особенное.

Дома меня накрыло новой волной эйфории. Я разулась, бросила сумку на тумбочку и прошла на кухню. Инна, моя лучшая подруга и сожительница, сидела за столом, пила чай с зефирками и листала ленту в телефоне.

— Ты чего такая взмыленная? — она подняла бровь. — В галерее резко нахлынуло вдохновение?

— Ты не поверишь, кого я там встретила! Демира Османоглу. Лично. Он со мной разговаривал!

— Понятия не имею, кто это. Но Серкан лучше. — она откусила зефирку. Я закатила глаза.

— Демир Османоглу, Ин. Владелец галерей, коллекционер, художник.

— Угу, филантроп и миллиардер.

— Помнишь, я читала про его творчество? Его работа «Предел доверия» висит в центре новой галереи, и он...

— Ладно, ладно, — перебила она. — И что он тебе сказал? Уже предложил быть восьмой женой в гареме?

— Инна!

— Что, пошутить уже нельзя? Всё, молчу. — она отложила зефир и уставилась на меня. — Рассказывай.

Я начала издалека, но быстро выпалила всё: про картину, про разговор, про задание. Про то, как он стоял рядом и от его голоса у меня подкашивались колени. Про обещание купить мою работу, если я нарисую свой «предел доверия».

— И ты согласилась? — подруга нахмурилась. — Карин, ты его вообще не знаешь. Богатые мужики — они такие. Сначала задания, потом предложения, от которых трудно отказаться. А потом сидишь и ешь торт со вкусом слёз. Как с твоим бывшим, которого ты кинула. Хотя могла и окольцевать мужика уже. Почему бы и нет?

— Ин, мы были вместе с университета. Семь лет. Он за всё это время ни разу не сделал предложения. А когда я сказала, что пора расходиться, вдруг захотел. До этого молчал, а тут сразу и кольцо, и угрозы, что он покончит с собой, если я уйду. Рискнула. Ушла. Ничего вон, до сих пор ходит живой, счастливо продолжает жить с мамой.

— Он не сказал когда именно планирует повеситься? Может, не сразу, а через годик? — усмехнулась Инна. — Ладно, шучу. Ты уже просто год в клубе веселых и одиноких. Вот я и подумала...

— Я просто не встретила ещё того самого.

— Ну да, а тут такой турок, красавчик-миллиардер подкатил, — она подмигнула. — Может, это судьба?

— Такие, как он, не встречаются с девушками. Такие меняют их как перчатки. И даже если он предложит переспать за связи, я откажусь. Быть использованной я больше не хочу.

— Ну-ну. Тогда работай, — вздохнула Инна. — А я спать. Пойду посмотреть сладкие сны про Серкана.

Я тоже вышла из кухни и пошла в свою комнату — ту самую, которую Инна разрешила превратить в мастерскую. Здесь пахло масляными красками, скипидаром и моими благовониями, лавандой и розами. Запах дома.

Я включила настольную лампу, поставила визитку Демира на видное место. Потом выбрала холст, натянула на подрамник, разложила кисти, смешала краски. Замерла перед белым полотном.

С чего начать? Я закрыла глаза и снова увидела его. Его слова о власти и подчинении. Как он смотрел на меня, будто уже знал, что я хочу вызова, хочу, чтобы меня заставили забыть о стыде.

Пальцы сжали кисть.

Я думала о том, каково это — быть с таким мужчиной. Не просто секс. Не белые простыни и нежные взгляды. А то, что он описывал: отдать себя полностью, позволить делать всё, что угодно, и доверять настолько, что страх превращается в наслаждение. Это перепрошивка психики. Я не знала, выдержала бы я такое, но тело сразу отозвалось. Внизу живота потеплело от одного только воображения. Я представила его руки на своей шее, как на той картине. Его пальцы, сжимающие мои бёдра. Его голос, шепчущий приказы.

Я начала работать. Магия творчества захватила меня целиком. Я не замечала времени, не слышала, как Инна ходит в туалет, как за окном затихает город, как наступает рассвет. Краски ложились одна за другой — тёплые, телесные. Я писала без лиц, только тела, сплетённые в действии: мужчина держал женщину за запястья, прижимая к стене, её голова запрокинута, шея открыта для поцелуев. Это была я. Моя тайная фантазия, которую я никогда никому не показывала.

Когда солнце заглянуло в окно, я отступила на шаг. Картина была готова. На ней двое: она подчиняется, он властвует, но в изгибе её спины нет страха — только доверие. Только желание отдаться до конца. Я посмотрела на холст и почувствовала одновременно гордость и сомнение. Это было смелее всего, что я когда-либо писала. Но достаточно ли смело для Демира? Не покажется ли ему это наивным? Как у всех?

«Надеюсь, это именно то», — прошептала я.

На следующий день, выпавшись, я решила действовать. На визитке был только email, и я написала короткое письмо: работа готова, можно ли встретиться. Оставила свой номер. И стала ждать.

Он перезвонил через три часа. Я как раз пила кофе на балконе, смотрела на панельки, и когда телефон зазвонил с незнакомого номера, чуть не выронила кружку. Сердце ёкнуло.

— Карина, — его голос прозвучал в трубке, и я сразу представила его губы. Полные, мягкие.

— Демир, здравствуйте. Как поживаете?

Молчание затянулось. Я зря решила, что светская беседа сгладит неловкость.

— Я ждал вашего письма. Вы уже закончили?

— Да.

— Так быстро?

— На меня нахлынуло вдохновение.

— Прекрасно. Я думал о вас всю ночь. Мне не терпится увидеть, что вы создали за такой короткий срок.

Он думал обо мне? Всю ночь?

— Когда мы сможем встретиться? — спросила я.

— У меня два варианта. Я сейчас в Москве на частном мероприятии, оно состоится завтра вечером. Вы можете подождать моего возвращения в Петербург в понедельник. Или я отправлю вас завтра утром в Москву, и вы присоединитесь ко мне здесь.

Я прижала телефон к уху сильнее. Он предлагает оплатить мне поездку. В Москву. К нему.

— Вы хотите, чтобы я всё бросила и приехала?

— Я очень хочу увидеть ваше искусство, — уклончиво ответил он. — И ваш потенциал. Чем раньше, тем лучше. Решение за вами.

Я представила, как вхожу в его пространство, как он смотрит на мою работу, на меня. Как мы остаёмся наедине.

— Я приеду.

— Отлично, — в его голосе послышалась улыбка. — Моя помощница свяжется с вами и организует билет. Встретимся завтра. Мягкой посадки.

— До завтра.

— До завтра, Карина.

Я положила трубку и запищала от восторга. Инна, которая вышла из душа с полотенцем на голове, уставилась на меня как на сумасшедшую.

— Ты чего скулишь?

— Я лечу в Москву! Он меня пригласил!

— Тот миллиардер, который не Серкан?

— Да! — я схватила её за руки. — Инна, это сказка! Я покажу ему свою картину.

Она скептически поджала губы.

— Кариш, он явно не только картину твою хочет посмотреть. Ты хоть понимаешь, куда едешь?

— Конечно, понимаю. Но я справлюсь.

— Тогда включи геолокацию и пиши мне каждый час, — она обняла меня. — Ладно? А то знаем мы ваши восточные сказки.

Утром я села на «Сапсан» до Москвы. Билет был в бизнес-класс, и я всю дорогу сжимала в руках свёрнутое полотно, боясь помять. За окном мелькали поля, деревни с покосившимися заборами, я думала о том, что через четыре часа снова увижу Демира Османоглу.

Перед прибытием я зашла в туалет, переоделась в чёрный свитер и белую мини-юбку. Посмотрела на свои ноги. Хотелось показать ему их. Хотелось понравиться. Но я решила держать дистанцию — таким мужчинам, наверное, нравятся неприступные.

В Москве меня встретил водитель с табличкой «Карина Евсеева». Чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами довёз меня до отеля в центре — из тех, мимо которых я всегда проходила с чувством, что мне туда никогда не попасть.

В лобби пахло дорогим парфюмом и цветами, тихо играла музыка. Я чувствовала себя Золушкой, которая вот-вот встретит принца.

Я огляделась и увидела его. Демир сидел в кресле у окна, подпирая подбородок кулаком, читал какие-то бумаги. Но как только я вошла, он отложил их и стал смотреть прямо на меня. На нём был чёрный костюм, верхние пуговицы рубашки расстёгнуты, открывая смуглую шею.

Изображение

Я остановилась перед ним. Он медленно оглядел меня, задержав взгляд на ногах. Потом поднялся и пошёл ко мне — неторопливо, с лёгкой улыбкой. Каждый его шаг приковывал моё внимание.

— Карина, — ласково произнёс он. — Добрый вечер.

— Добрый. Рада снова увидеться.

— Взаимно. Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо.

— Это та самая картина? — он кивнул на свёрнутое полотно, которое держал водитель у стены.

— Да.

— Прекрасно. — его карие глаза скользнули по моему лицу, задержались на губах. — Не хочешь подняться в мой номер? Развернём и обсудим твою работу.

Подняться в его номер. Звучало сомнительно. Но мы же взрослые люди. Я хорошенькая, он чертовски привлекательный. Почему бы и нет? Посмотрю, что будет.

— Хорошо, — ответила я, и он улыбнулся.

— Лука, — обратился он к водителю, — подними вещи Карины-ханым в её номер. А за картиной я присмотрю сам.

Лука кивнул и ушёл с моей сумкой. Демир взял свёрнутый холст и протянул мне свободную руку.

— Идём.

Я вложила ладонь в его пальцы, и по коже сразу пробежал короткий электрический разряд. Демир лукаво улыбнулся, заметив мою реакцию.

— Ты всегда так реагируешь на простые прикосновения?

— Только когда они не такие уж простые.

— Интересно. — он чуть сжал мою ладонь и повёл к лифту.

В зеркальном лифте я видела нас обоих: он стоял чуть сзади, высокий, крепкий, и смотрел на мой затылок. Я кожей чувствовала этот взгляд.

— Волнуешься? — спросил он негромко.

— Немного. Надеюсь, вам понравится моя работа.

— Расскажи о своей технике. Ты предпочитаешь масло или акрил?

— Масло. Оно живое, с ним можно долго работать, менять слои. Акрил слишком быстрый, не даёт времени подумать.

— А как ты добиваешься телесной глубины? Лессировками?

— Да, множеством тонких слоёв. Но ещё важно подмалёвок сделать тёплым, тогда кожа начинает будто светиться изнутри.

Демир кивнул, не сводя с меня глаз в отражении.

— Не терпится уже посмотреть на твою работу. Ты действительно знаешь свое дело. Не просто рисуешь, а понимаешь, что делаешь. Это редкость.

— Спасибо.

— Я не лышу. Я говорю как есть. — он помолчал. — А как ты считаешь, эротическое искусство должно быть красивым или честным?

— Честным. Красота — это уже потом. Если честно, то красиво само по себе.

— ...Согласен. Поэтому мне и интересна твоя работа.

Двери лифта открылись. Демир пропустил меня вперёд. Его номер был на последнем этаже, с панорамными окнами, но я не смотрела на город. Я смотрела, как он аккуратно развернул мою картину, положил на огромную кровать с белоснежным покрывалом и встал, скрестив руки на груди, изучая её.

Я замерла у двери, вцепившись в ремешок сумочки. Тишина длилась минуту, вторую. На спине уже выступил пот.

— Карина, — наконец произнёс он. — Подойди сюда.

Я сделала несколько шагов и остановилась рядом. Наши плечи почти касались. Демир чуть отстранился, и я напряглась.

— Это не любовь, — сказал он с новым оттенком в голосе. Удовольствие. — Ты услышала меня. Ты поняла.

— Я хотела быть честной.

— Честной. — он повернулся ко мне, и я оказалась зажатой между ним и кроватью.

— Да.

— И что же это? — он смотрел мне в глаза. — Твоя честная фантазия?

Я не могла лгать.

— Да.

— О ком?

Я промолчала.

— О нас?

Он приблизился и положил руку мне на талию, потом очень нежно коснулся моей щеки. Я смотрела на него, не в силах пошевелиться.

— ...Да.

— Мне очень нравится твоя честность. — он наклонился к моему лицу, и я замерла.

Он точно замечал, как я смущаюсь, но ничего не говорил.

— Ты хочешь, чтобы я купил эту картину? — неожиданно спросил он и отстранился. Я вздохнула, не понимая, облегчение это или разочарование. Скорее второе. Он дал мне полное ощущение, что сейчас поцелует. Передумал?

— Да. Ты же обещал.

— Я куплю её. Назови любую сумму.

— По себестоимости она будет стоить двадцать тысяч рублей, — сказала я.

Демир усмехнулся. Он достал телефон, быстро что-то напечатал и показал мне экран. Там светилась сумма с шестью нулями.

— Ровно столько я заплачу, если ты нарисуешь мне вторую картину.

Я уставилась на цифры. Внутри всё бушевало.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. — он убрал телефон и прошёлся по комнате, снял пиджак, бросил на кресло. Под рубашкой перекачивались мышцы спины. Он повернулся ко мне, расстегнул запонки и закатал рукава до локтей, обнажая сильные руки с тёмными волосками.

— Я хочу, чтобы ты нарисовала мне ещё одну картину для моей частной коллекции. На этот раз не фантазию. С натуры.

— С натуры? Я буду кого-то рисовать вживую?

— По памяти. Я отведу тебя в особое место, где ты сможешь вдохновиться, а потом по памяти изобразишь то, что там произойдёт. Без прикрас.

— Ты предлагаешь... — я не могла закончить фразу.

— Я предлагаю тебе провести со мной ещё несколько дней. И тебе, и мне это будет интересным опытом.

Его пальцы снова коснулись моего лица, спустились по шее, по ключице. Я сама отстранилась. Он дёрнул бровью, но убрал руку.

— Я знаю, что вы хотите от меня, — сказала я.

— Я хочу, чтобы ты перестала себе врать. Ты хочешь этого. Я видел, как ты смотрела на меня в галерее. Я чувствовал твоё желание. Получить этот опыт.

— Это слишком быстро.

— Быстро? Ты летела в Москву, зная, что будет. Нарисовала эту картину за одну ночь, представляя мои руки на своём теле. Это было не быстро? Между нами мощная химия. Предлагаю использовать её во имя искусства.

Он прав. Я хотела этого. Все эти дни я представляла его прикосновения, его голос, его власть. Но я не собиралась становиться очередной его девочкой на час.

— Я хочу обучаться у вас, — начала я, — но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Я не буду с вами вступать в интимную близость.

Демир удивленно склонил голову, рассматривая меня.

— И что же повлияло на твоё решение? Предложения ведь ещё не было.

— Я не хочу быть очередной использованной девушкой. Мне интересна работа и искусство. Беспорядочные связи убивают во мне творческую искру.

Он медленно обошёл меня, изучая, и остановился.

— Хорошо. Я обещаю, что не буду с тобой вступать в интимную близость и не буду предлагать этого. Мы проведём несколько дней вместе, посетим мероприятия. Но у меня тоже есть к тебе одно условие.

— Какое?

— Касаться тебя я смогу.

— Как касаться?

Демир протянул руку. Я нехотя подала свою. Он сжал мои пальцы и посмотрел мне в глаза — без улыбки, почему-то очень серьёзно.

— Вот так. Можно?

Я выдержала его взгляд несколько секунд.

— Так можно.

Он отпустил мою руку.

— Отлично. И каким будет твой ответ?

— Я согласна.

Глава 4: Тёмная вода

Я стояла у зеркала. Оставалось несколько часов до вечернего мероприятия. Чёрное шёлковое платье плотно облегалo фигуру. Плечи закрыты, зато глубокий вырез и разрез до бедра. Я смотрела на себя и думала, что для него этой ткани, скорее всего, нет — он и так видел меня всю. Я провела пальцами по ключице, спустилась к ложбинке на груди. Воображение тут же нарисовало его руки на моих бёдрах, его пальцы, сжимающие шёлк. Щёки горели. Из зеркала смотрела женщина, которая уже почти перешагнула свои границы.

Я собрала волосы в хвост, оставила пару прядей у лица и нанесла на губы тёмно-вишнёвую помаду.

В дверь постучали — два раза, спокойно. Демир стоял на пороге в тёмном костюме. Волосы ещё влажные после душа. Он оглядел меня сверху вниз, не торопясь, и мне стало физически жарко.

— Ты выглядишь великолепно, Карина.

— Спасибо. Ты тоже.

Он взял меня за руку и коротко сжал пальцы. Я поняла, что вечер пройдёт под его контролем.

Машина остановилась в тихом переулке у старого особняка. За строгим фасадом скрывалось то, к чему я оказалась не готова.

Мы вошли в большой зал с хрустальными люстрами. Гости в дорогих вечерних нарядах — я узнала нескольких коллекционеров. Но обслуживающий персонал меня шокировал. Девушки передвигались в чёрном кружевном белье, кожа блестела от масла. Мужчины в узких шёлковых шортах, голые татуированные торсы. У всех на шее плотные кожаные ошейники. Некоторых официантов гости держали на поводках и при этом непринуждённо беседовали. У нескольких парней и девушек во рту были кляпы, они молча разносили напитки, и на их лицах застыла пугающая покорность.

Я покраснела и прижалась к плечу Демира. Он сразу наклонился к моему уху.

— Карина, — позвал он тихо и заставил посмотреть ему в глаза. — Тебе не по себе? Мы можем уехать.

— Нет, — я покачала головой и выпрямилась. — Просто это... слишком откровенно для закрытого приёма.

— Это мир, в котором я нахожу вдохновение, — ответил он, и его взгляд стал жёстким. — Свобода формы раскрывается через подчинение. Ты ведь помнишь наш разговор в галерее?

Я обвела взглядом зал: гости трогали обнажённых официантов без тени смущения. Это была живая выставка.

— Какие ещё способы ты используешь для вдохновения? — спросила я, заглядывая ему в глаза с сомнением.

Демир коротко усмехнулся, шагнул ко мне, заставляя отступить, и навис надо мной, перекрыв обзор на зал.

— *Acele etme, güzelim*, — произнёс он по-турецки с лукавым прищуром. — Всему своё время. Я покажу тебе всё, когда ты перестанешь бояться природы моего мира. Хорошо?

От его шёпота по спине побежали мурашки.

— Хорошо, — выдохнула я, уже не желая сопротивляться этому любопытству.

Свет в зале начал гаснуть, пока всё не погрузилось в интимный полумрак. Луч прожектора выхватил сцену, на которую вышли мужчина и женщина из персонала. Заиграла музыка с низкими басами, от которых вибрировал воздух. Мы сели за столик, и Демир сразу положил руку мне на бедро — прямо на голую кожу в разрезе платья.

— У нас же был уговор, — напомнила я, сгорая от его прикосновения.

— Тебе напомнить, что моим условием было то, что я могу касаться тебя.

— Я думала совсем о другом!

— А я только об этом, — отозвался Демир, не сводя мягкого взгляда со сцены. — Если станет слишком тяжело, скажи.

Я не слушала, всё ещё в шоке от его действий и слов, что сопровождали их.

Я смотрела на сцену. Женщина в кожаных ремнях и ошейнике двигалась медленно, подчиняясь ритму. Мужчина стоял неподвижно. Она опустила на колени, выгнув спину, и он плавно потянул за цепь, заставляя её запрокинуть голову и открыть шею. Меня затащило это зрелище.

Пальцы Демира переместились по внутренней стороне моего бедра — медленно, дразня. Это касание ломало меня и вгоняло в краску сильнее, чем сцена. Я хотела сжать ноги, но почему-то не могла.

— Хотела бы оказаться на её месте? — неожиданно громко спросил Демир. Соседи любопытно повернули головы в нашу сторону.

Я покачала головой, хотя тело говорило об обратном.

— А если я буду держать цепь?

Я повернулась к нему. В темноте его глаза были зловеще черными.

— Я не знаю, — честно ответила я.

— Узнаешь, если решишь поработать со мной.

— Поработать как?

— По контракту. На один месяц. Взаимовыгодное сотрудничество. Что скажешь?

Я иступленно моргнула и перестала смотреть на сцену. Его пальцы поднимались выше, к краю моего белья. Я не отодвигалась, наоборот, немного подалась навстречу. Внутри всё сжалось.

На сцене мужчина развернул девушку спиной к себе, прижал, его руки легли ей на грудь. Она застонала. Мне стало невыносимо жарко. Моя рука сама оказалась на его колене, я сжала ткань брюк. Демир глубоко вздохнул, его пальцы скользнули под кружево и коснулись меня там, где было уже влажно.

— Карина, — голос его стал тише. Он смотрел на меня в упор. — Хочешь, я уберу руку?

— Нет, — выдохнула я, закрыв глаза от наслаждения, когда его пальцы начали поверхностно двигаться.

— Смотри на сцену, — приказал он, слегка надавливая. — Смотри и думай о том, что это мои руки на твоём теле, что подчиняешься ты мне.

Я тихо застонала. Он поймал мой стон губами, едва коснувшись. Но опять так и не дотронувшись до моих губ.

Его пальцы продолжали двигаться ритмично, безжалостно, доводя меня до предела прямо в полумраке при всех. Но на нас никто не смотрел — видимо, связываться с Османоглу никто не желал. От этого всё происходящее казалось ещё более нереальным.

— Ты какая-то молчаливая. Нравится такое искусство? — насмешливо улыбнулся он, когда я начала тяжело дышать от подступающей разрядки.

— Я... я хочу это нарисовать, — прошептала я сквозь дымку возбуждения.

Он резко убрал руку. Пустота показалась мне жестоким наказанием. Я посмотрела на него с упреком, но он спокойно поправил манжету.

— Всеу своё время, джаным. Теперь у твоего воображения достаточно материала.

Я закусила губу от обиды и неутолённого желания. Теперь я чувствовала болезненную зависимость от его воли. Он стал моей ломкой — и единственным, кто мог её снять.

Зажёгся свет, гости стали расходиться. Демир подал мне руку. Я встала на слабых ногах, и он это заметил. В машине мы молчали. Он держал мою руку и гладил большим пальцем

запястье, отчего кровь продолжала разгоняться. Я смотрела на ночную Москву и понимала, что за несколько часов он перевернул все мои представления о себе и об искусстве.

Демир проводил меня до номера, открыл дверь и вошёл следом. В комнате был полумрак.

— Сегодня ты увидела лишь малую часть того, что я могу тебе показать, — сказал он, остановившись в шаге от меня. — Но мне нужно твоё полное согласие на это. Если скажешь «да», пути назад не будет. Ты примешь мои условия, мой контроль и это искусство.

— А если я откажусь? — спросила я, глядя на его жёсткие губы.

— То завтра утром тебя отвезут в аэропорт, и мы больше никогда не увидимся, — ответил он спокойно, без капли угрозы.

Я понимала, что после того особняка уже не смогу вернуться к прежней жизни. Моё искусство требовало теперь этой глубины. Познав такие эмоции, я уже не смогу вдохновляться чем-то меньшим. Чем-то безобидным и поверхностным.

— Я согласна.

Он удовлетворённо растянулся в улыбке и кивнул.

— Теперь иди в душ и думай о том, что ждёт тебя завтра. Завтра я заберу тебя.

Он повернулся и вышел, оставив меня одну.

Я разделась, бросила платье на кресло и включила горячую воду. Встала под душ и прильнула лбом к плитке, обдумывая этот вечер.

Сумасшествие. Чистое и тёмное. Меня переполняло вдохновение.

Завернувшись в халат, я подошла к зеркалу. Глаза блестели от лихорадочного ожидания завтра. Я коснулась пальцами своего отражения.

Оставалось пережить одну ночь — долгую и невыносимую.

Глава 5: Металл и кожа

Я потянулась. Между бёдер всё ещё держалось тяжёлое горячее чувство. Стоило закрыть глаза, как кожа вспоминала его пальцы. Села и рывком подтянула одеяло к подбородку. Номер был пуст: кожаная сумка на кресле, чёрный шёлк платья на полу у стула. Это был не сон. Я улыбнулась и потянулась к сумке.

Коврик для йоги лёг на паркет. Двадцатый этаж, за окном Москва — чужая, забитая машинами и серыми крышами. Вдох, руки вверх, переход в глубокий выпад, и бёдра обожгло болью. Отлично, значит, вчерашнее мне точно не приснилось. К концу часа пот тёк по спине, а голова наконец очистилась от навязчивых мыслей.

Ванная оказалась огромной, в белом мраморе. Я набрала воду, залезла по подбородок, взяла мочалку и намылила кожу, пока та не покраснела. Хотелось смыть напряжение. Не вышло. Закрыла глаза — и вернулся его силуэт: широкие плечи, жёсткие мышцы. Моя рука сама опустилась под воду. Складки были горячими, я медленно провела пальцем по чувствительному узелку. В голове всплыло, как Демир смотрел на меня вчера после мероприятия — с готовностью взять, не спрашивая. Мои бёдра начали двигаться в такт пальцам.

— Не останавливайся, — раздался над ухом низкий голос.

Я дёрнулась, выплеснув воду на мраморный пол. Демир стоял у раковины с фарфоровой тарелкой, на которой лежала тарталетка. Вошёл бесшумно. Карие глаза смотрели в упор, без тени смущения.

— Я сказал, продолжай.

Я попыталась притянуть мыльную пену на грудь, нашаривая на дне мочалку.

— Дверь была заперта! Как ты вошёл?

Он потянулся к ремню, металлическая пряжка звонко щёлкнула. Я нервно сглотнула, уставившись на него во все глаза.

— Это отель моего друга. У меня есть ключи от всех дверей. Продолжай.

Он выдернул кожаный ремень из петель, бросил на пуфик и сел на край ванны. Его большая ладонь жёстко перехватила моё лицо: пальцы легли под челюсть, фиксируя голову, большой палец вдавился в кость за ухом.

— Скажи, что не думала обо мне, когда трогала себя, — выдохнул он. От него пахло крепким кофе.

Я молчала. Горло пересохло. Его вторая рука ушла под воду, уверенно сжала мою грудь. Я вскрикнула от резкого нажима.

— Делай, что сказано.

Рука окаменела от напряжения. Я снова опустила её между ног. Про себя понимала, что могу просто сказать ему в лицо — мне это не нравится. Но не сказала. Пальцы скользнули между бёдер, и я прикрыла глаза.

— Умница. Вот так. Быстрее.

Я начала двигаться быстрее, вода плескалась о его мокрый рукав. Он сжал грудь и потянул, острая боль прошла спину.

— Введи пальцы. Откройся.

Я толкнула один палец внутрь, потом второй. Быстро, грязно, тело не слушалось разума. Он вдруг убрал мою руку, и его пальцы вошли в меня одним движением. Мои бёдра рванулись вверх.

— Боже...

Свободной ладонью он зажал мне рот, протолкнул два пальца между губ и сильно надавил на язык.

— Давай, покажи, как примешь меня.

Я никогда такого не делала. Моя прежняя жизнь была слишком стерильной. Даже с моим бывшим, мы провели столько лет вместе, но я ни разу не соглашалась на оральные ласки. С ним этого не хотелось.

Демир толкнул пальцы в моём рту глубже, почти до рвотного рефлекса. Вторая его рука между моих бедер двигалась жёстко, упираясь глубоко. Ноги задрожали.

— Кончай для меня. Сейчас.

Я вцепилась пальцами в борта ванны, оргазм ударил в затылок, в глазах потемнело, внутренние мышцы судорожно зажали его руку. Он выдернул ладонь, подхватил меня под мышки и одним рывком вытащил из воды. Потоки воды хлынули на пол.

Демир перенёс меня в душевую кабину, включил верхний распылитель. Вода ударила по плечам. Он не уходил, просто протянул руку и убрал мокрую прядь с моего лица.

— Ты была прекрасна, — тихо произнёс он, разглядывая меня.

— Ты не должен был входить, — выдохнула я, но не отодвинулась.

— Я же вчера не дал тебе того, что ты так хотела. Я не изверг. Теперь ты это знаешь.

Он наклонился, но поцелуя снова не случилось. Он словно избегал его, оттягивал. Вместо этого прижался губами к моему плечу. Его руки легли на талию, мокрая рубашка прилипла к телу, обнажая контуры пресса.

— Я не спал всю ночь, — проговорил он мне в ухо. — Вспоминал прошлый вечер, как ты стонала.

Я молчала, лицо горело.

— И что теперь? — спросила я.

— Теперь я пришёл взять своё.

— С чего ты решил, что это твоё?

Его ладони поднялись к моим рёбрам, едва задевая грудь. Кожа мгновенно покрылась мурашками.

— Какая реакция, — восхитился он. — И ты ещё спрашиваешь, с чего я решил.

Он стоял близко, но между нами всё ещё оставался этот зазор. Я видела, как он смотрит на мой рот, чувствовала тепло его дыхания, но он не торопился. Я положила ладонь ему на грудь, ощутила частое биение сердца под мокрой тканью.

— Почему ты медлишь? — спросила я, глядя ему в глаза.

Он чуть склонил голову набок.

— Хочу, чтобы ты сама захотела этого достаточно сильно.

— Я здесь, с тобой, мокрая и голая. Куда уж сильнее.

Демир улыбнулся уголком рта, провёл большим пальцем по моей нижней губе, слегка надавил. Я приоткрыла рот, коснулась его пальца языком. Он шумно выдохнул и подался вперёд. Его губы накрыли мои, но мягко, пробуя. Никакой грубости, только медленное скольжение, лёгкое касание горячего языка. Я почувствовала вкус кофе. Его ладонь легла на мой затылок, фиксируя голову, но не давя. Он целовал так, будто изучал, — провёл языком по моим губам, проник внутрь, отступил и снова вернулся. Я подалась навстречу, углубляя нежный поцелуй, и он ответил с большим напором, но всё ещё контролируя силу. Вода стекала по нашим лицам, когда он наконец оторвался.

— Вот так, — прохрипел он тихо.

Его ладони спустились ниже и сжали мои ягодицы, прижимая к своему бедру. Я почувствовала, насколько он твёрдый там, внизу. Опустила руку, провела по его плоти через мокрую ткань брюк — он дёрнулся, перехватил мои запястья и прижал их к кафельной стене над головой. Я заёрзала, пытаясь прильнуть к нему.

— Не спеши, джаным, — прошептал он. — Время есть.

Его рот ушёл к шее, он прикусывал кожу, а я выгибалась, беспомощная. Свободной ладонью он провёл по животу, остановился у лобка. Пальцы едва касались, дразнили.

— Скажи, чего ты хочешь.

— Тебя. Всего.

Он коротко улыбнулся и снова толкнул пальцы мне между ног, работая тяжёлыми кругами. Вторая рука держала талию у стены.

Я скосила глаза в сторону. Напротив висело огромное зеркало, покрытое плотным паром. В мутной серой массе наши силуэты размывались. Я глянула на его лицо в отражении — и замерла.

Его глаза были чёрными. Полностью. Ни белков, ни зрачков, две сплошные тёмные воронки.

Я начала задыхаться, тело сковал мгновенный спазм. Сердце заколотилось от необъяснимого страха.

Резко повернула голову, чтобы посмотреть на него вживую. Нормальные глаза: тёмно-карие, с чёткими белками.

— Что случилось? — он остановил руку, заметив мою напряжённую реакцию.

— Ничего, — я попыталась вдохнуть. — Просто голова закружилась. Пар. Наверное, ещё не проснулась.

Демир долго всматривался в моё лицо, потом кивнул и снова уткнулся в шею. Но всё исчезло. Внутри был остаток паники — обман зрения был слишком чётким.

Он вздохнул и взял меня за плечи, отстраняя от себя.

— Ты мне доверяешь?

— Нет, — ответила я, не соврав.

Он широко улыбнулся.

— Правильно.

Его рука метнулась к смесителю и резко повернула рычаг в сторону синего. Ледяная вода обрушилась на нас. Я вскрикнула, дёрнулась в сторону, но Демир прижал меня к стене всем телом.

Его губы впились в мой рот, язык протолкнулся глубоко, настойчиво. Я упёрлась ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть, но он держал меня крепко, кусал мои губы, не давая вырваться. Холодная вода заливала лицо, стекала по спине, а от его тела шёл жар.

Я перестала бороться и подалась вперёд, инстинктивно прижимаясь к единственному источнику тепла. Он прошипел сквозь поцелуй:

— Тянешься ко мне. Скоро научишься и доверять.

Он целовал меня до потери дыхания, а я уже сама вцеплялась в его плечи. Через пару минут он выключил воду. Мы стояли, тяжело дыша. Такого я ещё не испытывала.

— Выходи, — он протянул мне полотенце. — Простудишься.

Я замоталась в тёплое полотенце. Он накинул второе на мои плечи и встал позади у раковины. Я вытерла зеркало ладонью: лицо румяное, губы искусаны. На груди перекрутился маленький золотой крестик, мамин подарок. Замок сполз вперёд и заклинил. Я попыталась расстегнуть, но мокрые пальцы скользили по металлу.

— Давай помогу, — предложил Демир сзади.

Я опустила руки. Его длинные пальцы легли на мою шею. Я вздрогнула. Они были горячими.

Он действовал аккуратно, но стоило его коже коснуться золотого распятия, как он резко, со свистом втянул воздух сквозь зубы. Цепочка лопнула, металл упал на мраморный пол.

— Чёрт, — выругался он, отступая на шаг.

Я обернулась. Демир стоял у стены, судорожно сжимая правую ладонь. Его лицо перекошено от боли, он шипел сквозь зубы грубые турецкие слова.

— Демир? Что такое?

Он не смотрел на меня, уставившись на свою руку. Я опустила взгляд: прямо посреди ладони наливался воспалённый след, кожа вздулась белыми волдырями, в точности повторявшими форму моего крестика. Будто он схватил кусок раскалённого железа.

— Господи, ты обжёгся?? — я потянулась к его запястью. — Как это вообще случилось?

— Не трогай меня, — огрызнулся он, но его лицо тут же разгладилось. Он взял себя в руки. — Это моя ошибка. Зацепил замок слишком сильно. Извини, что порвал. Я куплю тебе новую цепочку.

Это было бредом: как он мог так обжечься? Какой-то уникальный вид аллергии на золото?

— Дай посмотрю, — я всё же взяла его за руку. Кожа была неестественно горячей, будто под ней горел уголь.

Я уставилась на его раскрытую ладонь. Ожога больше не было — лишь лёгкое покраснение, и оно проходило прямо на глазах.

— А где ожог? Я же видела своими глазами...

Он посмотрел на меня в упор, затем поднял левую руку и медленно провёл большим пальцем по моей скуле.

— Прости.

— За что?

Он отпустил моё лицо и шагнул к двери.

— Мне пора. Через час у меня встреча. Собирайся пока. Лука будет внизу ровно в двенадцать.

— Демир...

— Я опаздываю, — отрезал он уже абсолютно деловым, холодным тоном.

Дверь ванной захлопнулась, через пару секунд послышался щелчок входной двери. Номер затих. Я осталась одна.

На кафеле у стока блестел мой золотой крестик. Я наклонилась, подняла. Пальцы легко справились с замком, но цепочка была разорвана, сломана. Я сжала её в кулаке. Или я схожу с ума, или...

Глава 6: Полёт над шипами

Лука постучал ровно в двенадцать. Я стояла перед зеркалом и пыталась застегнуть мелкие пуговицы на манжетах. Платье привезли утром курьером от помощницы Демира — изумрудный шёлк, голая спина до поясницы. Демир Османоглу явно любил раздевать женщин не только взглядом. Ну и пусть, когда ещё доведётся походить в таких нарядах.

— Карина, — голос Луки из-за двери, — Демир-бей просил передать, что встретит вас на месте. Он задерживается на переговорах, но вас уже ждут.

Я бросила в крошечную вечернюю сумку помаду, зеркальце, телефон и вышла в коридор.

Особняк прятался в тихих переулках за Патриаршими. Тяжёлая готика, острые шпили, кованые ворота в шипах. Плющ намертво врос в каменную кладку, и идти по дорожке на каблуках было неудобно. Дворецкий с прямой спиной встретил меня у порога, уточнил имя и открыл дубовую створку.

Внутри оказалось просторно и сумрачно. Готические своды давили высотой, свет проходил сквозь цветные витражи и оставлял на каменном полу багровые и синие пятна. На необработанных стенах висели холсты без рам — Климт, Дали, пара современных концептуалистов. Под люстрой-короной тянулся длинный стол под чёрной скатертью. Гостей собралось около сорока: мужчины в смокингах, женщины в шёлке. Я сразу узнала известного скульптора, чьи бронзовые торсы видела в каталогах, и главного критика ведущего арт-журнала. Мой внутренний художник машинально фиксировал пропорции, позы, лица.

Ко мне подошла Лидия, куратор московских проектов Демира. Её красное платье с глубоким вырезом выглядело агрессивно на фоне серых стен.

— Карина, здравствуйте. Демир столько о вас рассказывал. Я Лидия. Рада, что вы доехали.

Я кивнула, и она взяла меня под локоть, увлекая в толпу, сыпля именами, представляя галеристам и коллекционерам. Постепенно скованность ушла, сменившись профессиональным азартом. Седобородый мужчина из Лондона заговорил со мной о выставке, которая прошла онлайн накануне.

— Ваш «Предел доверия» — чистая пластика тела, — похвалил он, пригубив бокал. — Слышал, Османоглу забрал его в личную коллекцию?

— Да, мы закрыли сделку вчера, — я взяла с подноса проходящего официанта бокал. Холодное вино обожгло горло, напряжение отступило. Я рассматривала этих людей, их жесты, дорогие ткани, ловила обрывки фраз об объёмах, свете и аукционных торгах. Это был мир, куда я стремилась, и дверь сюда открыл один конкретный человек.

Я достала телефон. Экран был пуст — ни сообщений, ни пропущенных. Набрала номер Демира. Длинные гудки перешли в автоответчик на турецком, из которого я не поняла ни слова. Сбросила, повторила — снова ничего.

— Он задерживается, — Лидия коснулась моего плеча, заметив взгляд на экране. — Демир-бей обожает эффектные появления, он строит на этом драматургию своих выставок. Не переживайте.

— Я и не переживаю.

Раздражение всё-таки кольнуло. Он обещал быть рядом, вести меня за руку через этот серпентарий. И где он?

Спустя час свет в зале начал гаснуть. Люстры тускнели одна за другой, углы тонули в полумраке. Луч прожектора выхватил дальнюю стену, где висело полотно под чёрным бархатом. Зал затих. Из тени вышел Демир в сером свободном костюме, волосы зачёсаны назад, чёткая линия подбородка. Он быстро поймал мой взгляд в толпе и едва заметно улыбнулся.

— Добрый вечер, дамы и господа, — его голос заполнил пространство под сводами. — Спасибо, что разделили со мной этот вечер. Сегодня я покажу то, что заставило меня переосмыслить современную эротическую живопись. В Петербурге я встретил работу, поразившую честностью — не формой, а смелостью обнажить внутренний хаос. Истинная страсть не имеет права оставаться анонимной. Сегодня вы увидите эту картину в завершённом виде.

Он повернулся к работникам зала и коротко кивнул. На другой стороне висело завешенное полотно. Работники дёрнули за шнур, бархат рухнул вниз. Я чуть не подавилась вином: на трёхметровом холсте висел мой «Предел доверия», только увеличенный. Композиция и свет прежние, но вместо размытых, слепых лиц теперь отчётливо проступали мы. Мой профиль с запрокинутой головой, напряжённая шея, рельеф ключиц — и его ладонь, сжимающая моё горло. Его пальцы, его губы у моей щеки. Наша страсть, зафиксированная маслом на холсте на обозрение незнакомцам.

Я прижала ладонь к губам. Зал ответил дружным вздохом, мгновенно перешедшим в шквал аплодисментов.

— Я попрошу автора подняться ко мне, — Демир смотрел прямо на меня, его глаза блеснули в луче прожектора.

Лидия мягко подтолкнула меня в спину. Ноги отказывались идти, но я двинулась вперёд сквозь ряды повернувшихся лиц. Демир протянул руку у края сцены, поймал мои пальцы и крепко сжал.

— Карина Евсеева, — объявил он в зал, помогая мне подняться. — Художник, который не боится откровенного искусства. Прошу любить.

Толпа взорвалась овацией. Он приобнял меня за талию, прижимая к боку. Я чувствовала его жёсткое бедро и запах парфюма с нотами табака.

— Сцена — определённо твоё, — прошептал он мне в волосы, почти касаясь губами уха.

— Мог бы предупредить, — выдохнула я, удерживая вежливую улыбку.

— Сюрпризы раскрывают истинную пластику чувств. Ты ведь в восторге, или я не прав? Он был прав. Страх испарился, осталось только радостное возбуждение.

Ужин накрыли в соседней галерее, столы стояли буквой «П». Возле каждого прибора лежала миниатюрная копия моей картины, свёрнутая в свиток и перевязанная чёрной лентой, — сувенир гостям. Демир сел рядом, отслеживал мою реакцию. Официанты разносили утку с брусничным соусом и трюфельное пюре, но еда меня не интересовала. К нам подходили, поздравляли, владелица миланской галереи предложила обсудить даты персональной выставки. Я отвечала на автомате, пока не почувствовала его ладонь на своём колене.

Вспышка горячих мурашек прошла по телу. То, что он делал со мной в ванне, сразу всплыло перед глазами. Его пальцы уверенно сжались, будто прочитав мои постыдные мысли.

Демир продолжал спокойно беседовать с соседом слева, лицо непроницаемое, но рука двинулась вверх по моему бедру, задирая подол платья. Я инстинктивно сжала колени, пытаясь остановить этот манёвр, но лишь сильнее зажала его ладонь между ног. Уголок его губ чуть дернулся. Ему определённо нравилась эта пытка.

— Карина, вам нехорошо? Вы внезапно покраснели, — спросила женщина напротив.

— Всё в порядке, просто здесь немного душно, — выдавила я, хватаясь пальцами за край стола.

Его пальцы скользнули выше, надавливая на кружево белья. Внутри всё отозвалось мгновенным влажным толчком. Он нажал сильнее, массируя чувствительное место сквозь ткань, дыхание перехватило. Я прикусила губу, чтобы не застонать при всех. Под столом царил полумрак, свечи давали слабый свет, скрывая это от чужих глаз. Его пальцы попытались сдвинуть кружево, не вышло, я сместилась назад. Это было невыносимо.

Я резко поднялась, отодвинув стул с громким визгом ножек о паркет.

— Прошу прощения, мне нужно освежиться, — я почти побежала к выходу, спиной чувствуя его тяжёлый, торжествующий взгляд.

В туалетной комнате я оперлась руками о раковину и закрыла глаза. Тело крупно дрожало, бельё промокло насквозь. Я достала из сумочки вишнёвый тюбик, точными мазками вернула контур губам, поправила волосы. Наваждение уступало место трезвому осознанию: мою работу увидели те, чьё мнение решает судьбы в мире искусства. Миланская галерея, контракты, признание! Всё, к чему я шла годами через безвестность и дешёвые мастерские, сейчас лежало передо мной. Благодаря его воле и его деньгам. Он стал моим волшебником. Джином.

Я улыбнулась отражению и вышла в коридор. В банкетный зал не вернулась — ноги понесли дальше по анфиладе особняка. Хотелось разглядеть каждую деталь и комнату этого загадочного места.

Готические полуарки, тяжёлые портьеры, приглушённый свет бра. Я разглядывала кладку, фактуру гобеленов, теряя счёт поворотам. Заблудилась. В конце тёмного коридора оказалась приоткрытая дубовая дверь, я толкнула её и вошла.

Библиотека занимала два этажа. Стеллажи уходили вверх, к балкам потолка, забитые тысячами корешков. Пахло старым пергаментом, деревом и почему-то ладаном. В центре стояли мольберты со странной живописью: на одном чернокрылый ангел на коленях перед обнажённой женщиной, на другом демон сжимал человеческое тело в экстатическом объятии. Дикая, библейская анатомия страсти. В мазках чувствовалась древняя сила.

Я вытянула с полки тяжёлый фолиант в потрескавшейся коже — книга об эзотерике и символизме. Перелистывая пожелтевшие страницы, наткнулась на старинную гравюру: существо со звериным телом и человеческим лицом, глаза вырезаны на бумаге чёрными точками.

Телефон в сумочке ожил, я подскочила.

«Возвращайся к столу. Обещаю держать руки на столовых приборах» — сообщение от Демира.

Я сфотографировала гравюру и отправила ответ: «Не могу. Я в библиотеке. Заблудилась».

Статус сменился на «прочитано» мгновенно, но ответа не последовало.

Я вернула книгу на место и подошла к огромному стрельчатому окну с витражом. Внезапный порыв ветра толкнул створку, тяжёлая штора взметнулась, с карниза сорвалась ворона с жутким карканьем. Я вздрогнула, быстро захлопнула окно, отсекая ночной гул.

Взять очередную книгу не успела. Чья-то рука намотала мои волосы на кулак и дёрнула голову назад. Спина упёрлась в твёрдую широкую грудь. Знакомый одеколон ударил в нос.

— Демир, — взволнованно выдохнула я, теряя опору.

Он не ответил. Его губы впились в мою шею, зубы прикусили кожу у основания плеча, я застонала, выгибаясь в его хватке. Одним движением он развернул меня лицом к себе и смял губы тяжёлым поцелуем. Язык ворвался в рот, исследуя нёбо, я вцепилась в лацканы его пиджака, улыбаясь сквозь поцелуй.

Я знала его неделю. Но каждый раз, когда он касался меня, по телу проходил разряд — тысяча мурашек от затылка до поясницы. Это не поддавалось логике. Я не верила в судьбу, но он снился мне раньше, до встречи. Я просыпалась среди ночи с ощущением чьего-то тёплого, давящего присутствия и стгорала от страсти к тому, кого ещё не знала. Без лица — только голос, только тень, только чувство, что он рядом. А теперь у этой тени были глаза Демира, руки Демира, губы, которые только что прикусили мою кожу.

Демир оторвался от меня, прошёл к стрельчатому окну и толкнул створку. В комнату ворвался холодный ночной воздух, заставляя меня поежиться.

Он повернулся, взял меня за талию и легко, одним движением, поднял и усадил на широкий каменный подоконник. Моя спина оказалась обращена к открытому проёму, за которым чернел сад. Я инстинктивно схватилась за деревянную раму, пальцы впились в старую краску.

— Ты с ума сошёл? Там же высоко, я упаду.

— Не упадёшь.

— Демир, я не хочу тут сидеть.

Он шагнул вплотную, его бёдра раздвинули мои колени, а ладони легли на ягодицы и жёстко сжали их, подтягивая меня ближе к себе.

Я отклонилась назад, в раскрытое окно, и холодный воздух лизнул голую спину. Демир наклонился и прикусил мою грудь прямо через шёлк платья — резко, до короткой вспышки боли.

— Пожалуйста, не надо!

— Ты же согласилась провести со мной несколько дней, обучаясь, — томно произнёс он, не отрывая губ от ткани.

— И чему ты обучаешь меня сейчас?

— Тому же, что и вчера. Пределу доверия. Расслабься и попытайся не думать о высоте. Смотри на меня.

Его руки скользнули под подол, стянули с меня бельё и отбросили в сторону. Я вцепилась в его плечи мёртвой хваткой. За моей спиной был провал в три этажа, а внизу угадывался сад и кованая ограда с острыми пиками.

Он опустился передо мной на колени, его плечи раздвинули мои бёдра шире. Горячее дыхание коснулось обнажённой плоти, и почти сразу твёрдый язык прижался к самому центру. Я вскрикнула, зажимая рот ладонью. Он вылизывал жёстко, ритмично, концентрируясь на набухшем узелке, и одновременно его рука сжала мою грудь, нащупав через шёлк.

Я подалась тазом вперёд, но потеряла равновесие и инстинктивно упёрлась коленом в его затвердевшее бедро, пытаясь зафиксироваться. Демир зарычал в ответ и толкнул меня ладонями в бёдра — ближе к окну. Теперь я сидела наполовину в открытом проёме, ветер обдувал лопатки, а в затылок дышала пустота. Если сорвусь, то полечу на чугунные острия. Эта мысль до одури пугала.

— Демир... — голос сорвался в шёпот, но это не было просьбой остановиться. Скорее наоборот.

Он ввёл два пальца внутрь, растягивая меня, и резко ускорил темп языка. Мой страх смешался с наслаждением в такой гремучий коктейль, что оргазм накрыл почти мгновенно. Тело выгнулось дугой, пальцы соскользнули с рамы, и в какой-то момент я действительно ощутила, что лечу — но его рука тут же перехватила меня за талию, вжимая в каменный подоконник. Я задыхалась, путаясь пальцами в его густых волосах, пока последние спазмы не отпустили. Мышцы судорожно сжимались вокруг его пальцев, а снизу, из сада, доносился только шум ветра и пение птиц.

Демир поднимался медленно, его губы блестели в полумраке. Я смотрела и запоминала — чтобы потом нарисовать. Он небрежно провёл тыльной стороной ладони по подбородку, стирая мою влагу, затем взял меня за талию и снял с подоконника. Ноги сразу подкосились, он придержал меня, прижимая к себе.

— Вот теперь ты понимаешь, что такое не думать об опасности и выбирать наслаждение, — сказал он тихо. — Идём.

— Я не могу, — выдавила я. — Растрёпанная, выгляжу ужасно.

Я опустила взгляд на свои бёдра, потом оглянулась на пол библиотеки — белья нигде не было. Только теперь до меня дошло, что он стянул его и куда-то дел.

— И нижнего белья нет, — добавила я тише, проводя ладонями по платью, будто это могло что-то исправить. — Ты куда его дел?

Демир стоял, прислонившись плечом к книжному стеллажу, и просто наблюдал за моими поисками с лёгкой улыбкой. Потом медленно запустил руку в карман пиджака и вытащил оттуда скомканное кружево.

— Его ищешь? — спросил он.

Я шагнула к нему, протянула руку, но он поднял кружево выше, не давая дотянуться.

— Отдай.

— Оно останется у меня, — сказал он спокойно, глядя мне в глаза.

Потом поднёс ткань к лицу, шумно вдохнул, не разрывая зрительного контакта, и снова убрал в карман. Я развернулась и пошла к выходу из библиотеки, злая, взбешённая его самодовольством. У самой двери его ладонь с громким шлепком опустилась на мою ягодицу. Я содрогнулась от бешенства. Обернулась, готовая высказать всё, что думаю, но он тут же пригнул меня к себе, ловя за локоть.

— Ты чертовски сексуальна, когда злишься, — произнёс он мне в ухо.

Я дёрнулась, но он уже отпустил, будто ничего не было.

Демир достал из кармана белоснежный накрахмаленный платок, аккуратно стёр остатки помады с моих губ, поправил сбившиеся локоны. Взял за подбородок и оглядел с довольным прищуром.

— Теперь идеально. Идём?

Я посмотрела в его тёмные глаза. В этот момент я отчётливо понимала, что готова подписать любой контракт и пойти с этим мужчиной куда угодно. Он дал мне то, чего не мог дать никто другой: чувство, что я наконец живу по-настоящему. Ярко. Остро. Задыхаясь от наслаждения.

После дневного триумфа и безумия в библиотеке возвращение в отель казалось передышкой. Демир уехал на закрытую встречу, оставив короткое распоряжение шофёру и коробку с очередным платьем на завтра. Какое мероприятие — он не сказал. Я просто знала, что это будет наш последний день вместе. На большее мы не договаривались. Очередной сюрприз. Я уже начинала к ним привыкать.

Глава 7: Слово, которое убивает

ДЕМИР

Я не позволял себе думать о том, как пересплю с ней. Эта фантазия становилась невыносимой, затопляла сознание жаром. Поэтому я разрешал себе только руки. Только касаться. Изучал её нежную кожу кончиками пальцев, как древний манускрипт, боясь повредить. Проводил по внутренней стороне бедра, чувствуя, как проступает гусиная кожа, как вздрагивают мышцы под моей ладонью. Смотрел, как она приоткрывает рот и сладко стонет. Этот звук до сих пор стоял в ушах, заглушая шум дождя по стеклу машины. Вспоминал, как она выгибалась, запрокидывая голову, и на шее проступала голубая нить вены. Хотелось прижаться к ней губами и почувствовать пульс языком. Но я держался из последних сил. Ждал.

Лука кашлянул с переднего сиденья, возвращая меня в реальность. Я перевёл взгляд на его затылок, на аккуратную стрижку и слишком туго застёгнутый воротничок рубашки. Мой ассистент нервничал: барабанил пальцами по рулю в такт дворникам и косился в зеркало заднего вида.

— Эфенди, Ингрид прилетела утренним рейсом, ждёт вас в отеле. — Он помолчал. — Выглядит, скажем так, не лучшим образом.

Я хмыкнул. Ингрид. Тридцать шестая муза с пепельными волосами и повадками дикой нордической кошки. Я разорвал контракт чуть больше недели назад в деревянном коттедже у фьорда, оставив её среди смятых простыней. Она должна была понять. Все они в конце концов понимали, что больше не нужны.

Лука снова заговорил, осторожнее:

— Она устроила скандал в лобби отеля. Охрана пыталась выпроводить, но она кричала, что не уйдёт, пока не увидит вас. Я решил, что проще организовать короткую встречу, чем вызывать полицию.

— Ты правильно сделал, Лука.

Мысли о Карине отступили, уступая место холодному, ленивому раздражению. Я не любил повторных визитов своих бывших муз. Контракт был составлен так, чтобы исключить неясности: тридцать три дня, никаких продлений, никаких контактов после. Ингрид стала самой востребованной молодой художницей Норвегии за три месяца, её работы покупали коллекционеры от Осло до Нью-Йорка. Чего ещё не хватало?

— С Кариной что-то изменилось? — Лука умел чувствовать, когда меня лучше отвлечь.

— Ничего. Продолжай наблюдение. Мне нужна информация о каждом её шаге, о каждом человеке, с которым она говорит. Выясни, что она любит, что слушает. Сколько... — я осекся, сжав зубы. — Сколько мужчин её касались до меня.

— Разумеется.

Машина свернула на набережную, сквозь дождь проступил фасад отеля, подсвеченный золотыми огнями. Швейцар бросился с зонтом, я ступил на мокрый асфальт и вдохнул влажный воздух. Мне здесь определённо не нравилось. Сырость, пасмурность. Не моё. Но моя муза была здесь. И я был обязан вытерпеть эту скверную погоду ради неё.

Мы поднялись в мой пентхаус. Номер с высокими потолками и панорамными видами, тяжёлые бархатные портьеры, в искусственном камине тлели угли. Ингрид стояла у стола, сжимая бокал с прозрачным — водкой или водой. Зная её, скорее, первое.

Она обернулась, и я внутренне поморщился. Осунувшееся лицо, сероватая кожа, тёмные круги под глазами, проступающие даже сквозь небрежный тональный крем. Волосы, когда-то пепельные и блестящие, висели сальными прядями, собранными в кривой пучок. Одежда мятая, несвежая. От той холодной скандинавской валькирии не осталось и следа — передо

мною стояла женщина на грани истерики, с лихорадочным блеском в зрачках и подрагивающими губами.

— Демир, — выдохнула она и бросилась ко мне, её кулаки заколотили по моей груди с отчаянной силой. — Ты! Ты отнял у меня всё!

Я перехватил оба запястья одной рукой, грубо сжал, а второй толкнул её в плечо. Не сильно, но достаточно, чтобы она отлетела спиной на кровать. Ингрид попыталась вскочить, я надавил ладонью на её ключицу, прижимая обратно.

— Ты ошибаешься, — произнёс я ровно. — Я дал тебе то, чего ты хотела. Ты самая успешная художница в своей стране, у тебя выставки, контракты, пресса. Ты получила всё по договору.

Она замотала головой, разбрызгивая слёзы по щекам.

— Моё имя — пустой звук! Ты отнял у меня вдохновение! Я сажусь перед холстом и вижу серую пустоту. Я больше ничего не могу придумать сама, только копирую старые работы. Ты высосал меня, выпил всё, что было внутри, и выбросил оболочку!

Я смотрел на неё сверху и чувствовал только усталость. Сколько раз я слышал эти слова на разных языках, в разных декорациях. Музы всегда верили, что можно получить дар, ничего не отдавая взамен. Они не понимали простой истины: сделка есть сделка.

— Это не мои проблемы. Ты сама подписала контракт, ты читала каждый пункт. Тридцать три дня. Никто не тащил тебя силой.

Она замерла, тяжело дыша, потом улыбнулась — криво и жутко.

— Ты думаешь, это конец? На следующей неделе я даю интервью. Большое, центральная пресса. Расскажу им всё: про твои контракты, про то, как ты спишь с каждой новой музой, про твои фетиши, про то, что ты заставляешь нас рисовать! Думаешь, хоть одна женщина после этого захочет приблизиться к тебе?

Она говорила быстро, почти захлёбываясь слюной, и в глубине её глаз стояла искренняя вера в то, что эта угроза может меня напугать.

Я молча наклонился, запустил руку в карман её куртки и извлёк телефон. Экран светился красной точкой записи. Ингрид дёрнулась, но я размахнулся и швырнул телефон в стену, целясь в угол, где каменная кладка выступала из-под обоев. Корпус раскололся с треском, пластик и стекло брызнули на пол, красная точка погасла.

— Нет!!!

— Думала, я не пойму, зачем ты пришла? — мой голос прозвучал почти ласково. — Это так наивно с твоей стороны.

Она побледнела так, что на скулах проступили пятна румянца. Я наклонился ближе.

— В контракте есть пункт седьмой, подраздел «б». Ты обязалась молчать о сделке до конца своих дней. Если заговоришь, конец твоих дней наступит раньше. Винить будешь только себя.

Она рассмеялась — истерично, высоко, похоже на всхлипы зверя.

— Ты убьёшь меня, Демир?? Прямо здесь? Своими руками?

Я выпрямился и посмотрел на свои ладони, потом снова на неё.

— Не своими. И не сейчас. Может пройти неделя, месяц, полгода. Ты выйдешь на улицу, и тебя собьёт машина. Или подавишься ужином. Или просто не проснёшься. Несчастный случай. Я буду за тысячу километров. Полиция закроет дело, пресса поплачет о молодом таланте, мир забудет тебя через пару газетных полос. Подумай, стоит ли оно того.

Я поднял с ковра осколок телефона с сим-картой и спрятал в карман. Ингрид смотрела расширенными зрачками, в которых плескался сырой ужас — тот самый, что живёт в людях с тех пор, как они ютились в хижинах и боялись темноты. Я знал этот взгляд. Видел его бесчётное количество раз на лицах богатых и нищих, святых и грешников.

Ингрид медленно сползла с кровати, ноги подогнулись, она рухнула коленями на пол и вцепилась пальцами в мои брюки.

— Прости меня, — заскулила она тонким голоском. — Я не хотела тебе угрожать, я просто схожу с ума. У меня внутри пустота, огромная чёрная дыра, она засасывает все мысли. Демир, пожалуйста, я всё сделаю, уеду, буду молчать. Только не отнимай последнее.

Она хваталась за ткань моего пиджака, пальцы дрожали в лихорадке. Я смотрел на эту женщину, которая неделю назад казалась воплощением северной гордости, и чувствовал скуку. Сколько раз я наблюдал эту сцену в разных странах, в разных локациях. Они молят о пощаде, когда им страшно, а не когда они раскаялись.

Я высвободил ногу и направился к двери. У порога обернулся: Ингрид стояла на коленях, сгорбленная, жалкая, по щекам текли чёрные дорожки туши.

— Уезжай в свою страну, сиди тихо и наслаждайся материальными благами. Духовные к тебе больше не придут: ты обменяла их на славу. Таковы правила. — Я взялся за ручку и добавил, не оборачиваясь: — А прощения проси у Бога. Может, услышит. Хотя, откровенно говоря, сомневаюсь.

Я вышел в коридор и плотно прикрыл дверь, отсекая звук её рыданий. Лука ждал у лифта с безучастным видом.

— Завтра она должна покинуть страну, — сказал я, нажимая кнопку вызова. — Если задержится, сообщи.

— Будет сделано.

Лифт загудел, унося нас вниз. Ингрид была эпизодом. Очередной пустышкой. С Кариной всё обстояло иначе. Я пока не знал, в чём именно заключается эта инаковость, но ощущал её костями, кровью, каждой клеткой тела. Возможно, поэтому я медлил. Не предлагал контракт. Просто наблюдал, как она ходит по галерее, как разговаривает с посетителями, как поправляет волосы, не замечая моего взгляда из тени.

Всеми своё время. Я умел ждать. За много лет это ремесло оттачивается до совершенства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.